

Петр и Асен, переправившись через Дунай, прибыли в половецкие кочевья и позвали половцев, обещая щедрую добычу, на войну против ромеев. Участие большого половецкого союза, так называемой Подунайской Кумании, в войне болгар и владх против Византии сыграло огромную роль в возрождении болгарского государства – Второго Болгарского царства. В 1205 г. половцам принадлежала решающая роль в битве под Адрианополем, где они совместно с болгарскими владхами наголову разгромили крестоносное воинство Латинской империи во главе с самим ее правителем Бодуэном, бесславно оказавшимся в плену. К этому же времени относится характеристика Кумании нижнедунайских степей, данная участником IV Крестового похода пикардийским рыцарем Робером де Клари. Он оставил подробное описание нравов половцев-куман, их обычаев, быта, их умения вести войну, особенностей их боевой тактики. Подунайская Кумания просуществовала до 40-х гг. XIII в., вплоть до нашествия монголов. Половцы частью ушли к венграм, частью – к болгарам. Служили половцы и ромеям Никейской империи. В 1261 г. именно половецкий конный отряд открыл ромеям дорогу в Константинополь, после чего возродилась Византийская империя Палеологов (1261–1453).

А. С. Козлов

Уральский государственный университет (Екатеринбург)

Далмация в Византийском «сосоружестве» V в.

Будучи на крайнем западе префектуры Иллирик, оказавшейся на рубеже IV–V вв. спорной территорией в отношениях между Восточной и Западной империей, Далмация стала стратегически значимой в V в. После смерти Константина I провинция как часть Иллирика перешла Константу и управлялась президом, сидевшим в Салоне. По данным археологии, с III в. здесь происходило определенное снижение уровня материальной культуры и инфраструктуры, сокращение торговли, множились признаки кризиса в процессах урбанизации. Повсюду, кроме Салоны и ее хоры, резко сокращается число эпиграфических памятников. Однако горнорудная промышленность, вероятно, продолжала жить в IV–V вв. во внутренних районах страны.

Как известно, последняя четверть IV в. ознаменовалась для Балкан превращением варварского (прежде всего, готского) фактора из внешнего во внутриимперский. В Далмации именно в это время убывало население. Некоторые представители высших сословий переезжали из Далмации в Италию (Cod. Theod. VI.29.12). Сведений о миграции в Константинополь и сопредельные с ним районы нет. Наоборот, беженцы из Паннонии и внутренних областей Далмации искали убежище в прибрежных ее центрах (см. работы Дж. Уилкса). Однако, хотя группировка Алариха и поставила под свой контроль области вблизи Далмации (Sozom. IX.4.2–4; Olymp. Fr. 1; Zosim. V.29) и

претендовала на нее в рамках урегулирования отношений с Константинополем (Zosim. V.48), до реализации таких претензий дело не дошло.

В 20-х гг. V в. группы варваров, расселенные на севере Далмации, оказались под влиянием гуннов, чьи удары, однако, пришлось по востоку провинции, но не по ее побережью. Для существования гражданских общин далматинского побережья наступил решающий момент.

Самой важной из них была Салона, административный центр провинции и ее наиболее романизированный город¹. Показателями стабильности Салоны была перестройка стен в начале V в., добавление к ним серьезных прямоугольных башен, плюс оборонительные работы на островах вблизи Салоны. В IV в. город был известен как государственный *thesaurus* (пункт хранения золота, серебра и т.п.), *baphium* (собрание красильных мастерских) и *fabrica* (оружейное предприятие) (Not. Dig. Oc. XI.23.66; IX.22). После того как рухнула граница на Дунае, в Салоне возник *gynaecium* (мастерские по производству одежды), ранее располагавшиеся в Бассиане, в провинции Паннония Вторая (*Notitia Dignitatum* фиксирует *gynaecium* и в Сплите, но речь идет, скорее всего, об одном и том же предприятии) (Not. Dig. Oc. XI.46.48). Изрядное число позднеантичных эпиграфических памятников и внушительных церковных храмов IV – VI вв. свидетельствует о Салоне как солидном христианском центре, хотя инерция языческих культов здесь также присутствовала. В начале V в. как императорская резиденция возвышается Равенна, с которой у Салоны были давние связи. Все это в совокупности поднимало стратегический рейтинг далматинской столицы. В 425–426 гг., после смерти западноримского императора Гонория, Салона оказалась в руках Константинополя (Philost. 12.13–14; Olymp. fr. 43), который использовал ее как базу для своего флота, поддерживавшего кампанию по восстановлению на западном престоле Валентиниана III (по сути восточноримские легионы двинулись на Италию через Сирмию). В 30-х гг. VI в. Салона стала стратегически важной точкой как для войск Юстиниана, так и для остготов, разместивших там свой гарнизон (Просор. BG. I.5.2,11; 7.1–10, 26–37; 16.8–16).

Управляя Далмацией, боровшийся с вандалами на Адриатике и в Сицилии Марцеллин сделал своей резиденцией именно Салону, но, хотя его и называли Марцеллином из Салоны, ни один источник не раскрывает его связи с этим городом. Правда, Стефан Византийский, примыкая в этом к лексике Приска Панийского, называет Салону полисом Далмации и выводит из назва-

¹ Салона была крупнее других городов Далмации, таких как Нарона (ныне Меткович) или Скюдра (ныне Шкодер), т. к. ее хора включала такие плодородные острова как Браттия (Брач), Фария (Хвар) и Исса (Вис). Население Салоны при Диоклетиане могло насчитывать 60 тыс. Человек – огромная цифра для того времени.

ния этого полиса адъектив *Σαλωνεύς* (Blockley II. P. 345). Р. Блокли предположил связь данного адъектива в тексте Приска с упоминанием Марцеллина, но это не более чем предположение. Известно также, что племянник Марцеллина и его преемник в Далмации Юлий Непот проживал на вилле за пределами города, когда был убит в 480 г. (Marc. Comes, a. 480).

Относительно недавние археологические исследования в Сплите выявили немного материала V в., но подтвердили длительное использование отчасти измененных инфраструктурных объектов. Качественная керамическая посуда, согласно археологическим данным, непрерывно использовалась здесь в IV–V вв., но импортная керамика и стекло с начала V в. стала редкостью, хотя отдельные находки такого рода изделий отмечены до слоев середины VII в. включительно. Самые поздние из найденных здесь позднеантичных монет (в основном восточноримской чеканки) относятся ко времени императоров Гонория и Аркадия, хотя среди 28 неопознанных нуммусов не исключается наличие отчеканенных в сер. – второй пол. V в. Активное хождение монеты в Далмации имело место по первые десятилетия V в., затем резко сократилось, и находки последних западноримских денежных знаков здесь крайне нечасты. Даже на юге Балкан в целом монеты, вышедшие после 408 г., редки, находки приходятся на небольшие районы, расположенные главным образом вдоль коридоров Сисция – Сирмий – Сингидун; большинство опознаваемых монет V в. с юга Балкан отбито на монетных дворах Пропонтиды. Хотя названный ранее Марцеллин и был независимым правителем Далмации, но монеты от своего имени он, кажется, не чеканил. Ж. Лакам, а вслед за ним Ж. Демо предположили, что очень редкая группа – Юлия Непота содержит монеты, отчеканенные в Салоне или в Сплите: в начале до его отъезда в Италию, а затем после его возвращения. Но суждения Лакама и Демо неубедительны, ибо доказательств нет. Дж.П.К. Кент еще в 1966 г. высказал ряд аргументов в пользу того, что эти монеты были отчеканены в Италии Одоакром.

Таким образом пребывание Далмации в византийском «содружестве» V в. вряд ли было устойчивым. Область тяготела к автономности, а то и самостоятельности, в несравненно большей степени была ориентирована на Адриатику, нежели на префектуру Иллирик в его административно-цельном, ранневизантийском облике.